
БЕСКОНЕЧНОЕ В СОЧИНЕНИЯХ РУССКИХ БОГОСЛОВОВ XIX ВЕКА

В.Н. Катасонов

*Общecerковная аспирантура и докторантура
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия*

В статье анализируются представления о бесконечности двух влиятельных русских богословов XIX в.: протоиерея, профессора Московской духовной академии Ф.А. Голубинского (1797–1854) и святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского (1807–1867). Делаются выводы о взаимном влиянии богословских традиций и светской науки.

Ключевые слова: бесконечное, христианское богословие, математика, естествознание, наука и религия.

Бесконечное выступает характерным признаком новоевропейской цивилизации. Категория бесконечного с XVII века находит существенное место в нашей математике, а через нее и во всем математическом естествознании. Новоевропейская философия от Лейбница до Хайдеггера постоянно была занята осмыслением бесконечного. Идея прогресса, столь существенно связанная с нашей цивилизацией со времен Просвещения, также предполагает представление о бесконечном.

Парадокс заключается в том, что античная наука очень строго отделяла потенциальную бесконечность – способность бесконечного продолжения движения – от бесконечности актуальной как завершения этого бесконечного процесса и не считала возможным применять рассуждения с актуально бесконечным в науке. А Новое время включило актуальную бесконечность – в форме как бесконечно малого, так и бесконечно большого – в число (строгих) научных понятий.

Ноевропейская математика, естествознание, во многом были обязаны науке древности, и пионеры новой науки всегда находили вдохновение в трудах античных ученых. Однако использование актуальной бесконечности было характерным знаком новой научной парадигмы, ломающей античные запреты и представления о самой природе разума и познания. Как мы не раз уже показывали, парадокс этот объяснялся той прививкой, которую претерпела новая наука благодаря христианскому богословию¹. Именно в последнем, исходя из утвердившегося представления о бесконечно могуществен-

---

¹ См., например: Катасонов В.Н. Боровшийся с бесконечным. Философско-религиозные аспекты генезиса теории множеств Г. Кантора. – М., 1999; Концепция актуальной бесконечности как «научная икона» Божества // Катасонов В.Н. Христианство, культура, наука. – М., 2012. – С. 388–412; Катасонов В.Н. Метафизическая математика XVII века. – М., 1993.

ном Боге, постепенно начинаются спекулятивные построения в отношении бесконечного, в трудах Дионисия Ареопагита, Августина, Иоанна Дунса Скотта, Николая Кузанского и др. Постепенно эти представления переходят в философию, и в XVI–XVII столетии в науку.

Предметом этой статьи служат представления о бесконечном в русском богословии XIX в. Здесь, наряду с традиционными представлениями о бесконечности как атрибуте Бога, мы видим, в определенной степени, обратный процесс: уже утвердившиеся к этому времени в русской науке (математике) представления о бесконечности используются как модели для богословия, в частности для обсуждения отношений Творца и твари.

Бесконечное в сочинениях Ф.А. Голубинского

Профессор Московской духовной академии, протоиерей Федор Андреевич Голубинский (1797–1854) был замечателен тем, что в своей научной и педагогической деятельности стремился к философскому осмыслению истин Православия. Бесконечность являлась предметом специальных размышлений у профессора-священника. Конечно, не удивительно, что проблема бесконечности находит свое место в курсах духовных академий первой половины XIX в., эта тема, как уже отмечалось, почти от самого начала христианского богословия была классической частью последнего. Но рассуждения Голубинского интересны именно тем, что он обсуждает проблему бесконечного в своих лекциях по *философии*, с точки зрения естественного разума и философских традиций, хотя и не упускает возможности обозначить богословские импликации своих размышлений. Несмотря на отдаленность во времени и значительно изменившийся философский ландшафт обсуждений проблемы бесконечного, думаю, что размышления протоиерея – профессора достаточно интересны и сегодня (см. подробную статью о творчестве Ф.А. Голубинского: [1]).

Рассуждения эти мы находим во втором выпуске Лекций по философии, во втором отделении части «Онтология». Первое отделение посвящено обсуждению сферы конечного бытия, второе носит название «Учение о Бесконечном» [2]. Все рассуждение вращается в основном вокруг очень важного и принципиального вопроса: откуда, вообще, берется у нас идея бесконечного, если весь человеческий опыт, по видимости, конечен? Перед обсуждением этого вопроса, справедливо считает Голубинский, мы должны, прежде всего, сформулировать, что мы понимаем под *идеей* вообще и конкретнее – под *идеей бесконечного*. «Прежде называли идеей всякое представление, и чувственное и умственное. В этом значении принимали идею последователи Лейбница и Вольфианцы. Но Платон не так понимал идею, он отличал ее и от чувственных представлений, или воззрений, и от общих или родовых понятий разума. В смысле Платона мы будем принимать идею о Бесконечном. Она не есть ни ощущение чувственных предметов, ни общее понятие разу-

ма, составленное из чувственных представлений»². Идея бесконечного не может быть чувственным данным, ибо последние всегда подчинены условиям пространства и времени, – ссылается наш философ на Канта, – и будут конечны. Не может она принадлежать и к общим априорным понятиям рассудка (заметим, Голубинский использует вместо традиционного для сегодняшнего философского словаря разделения *рассудок – разум* термины *разум – ум* соответственно), они также требуют для себя чувственной «материи». Идея бесконечного принадлежит, собственно, уму (разуму), заключает Голубинский.

Идея бесконечного, однако, не является для ума ясной и отчетливо воспринимаемой. Она, подчеркивает Голубинский, представляется нам смутно и постигается, скорее, в своих следствиях. «Конечно, мы не видим идеи, но действия ее, возбуждения или стремления, производимые ею в коренных силах души нашей, более или менее, живее или слабее [мы] можем ощущать. Идея о Бесконечном сама в себе неисчерпаема, но мы можем более или менее приближаться к ней и разумением, и чувствованием, и волею» [2. С. 66]. Идея бесконечного не вмещается в ум человека, но, парадоксальным образом, последний служит проводником к этой идее, представляет нам эту идею как некий горизонт наших стремлений. Эта способность к бесконечному стремлению в плане познания, восприятия, волевого совершенства принципиально отличает человека от животного. Именно в этой человеческой способности заключено высшее достоинство человека и оно обусловлено именно тем, что человек пусть и смутно, но имеет идею бесконечного. Не должно сверх меры ни возвышать, ни принижать человека, подчеркивает философ – протоиерей: человеку открыт путь к бесконечному, но в своем актуальном состоянии он видит его смутно и неясно. В связи с этим Голубинский формулирует свое «главное положение», которое он даже называет законом человеческого ума: «...Духу [уму] человеческому существенно принадлежит идея о Бесконечном по бытию и совершенствам, и вследствие чего первоначальный закон ума состоит в том, чтобы для всего ограниченного по бытию и совершенствам искать первоначала, первообраза и конца в Бесконечном» [2. С. 67].

Бесконечное по бытию Голубинский понимает как Существо, которое не ограничивается никакими пределами пространства и времени. Существо это по определению будет неизмеримым, вездесущим, а по отношению ко времени вечным и неизменяемым. Это же Существо наделяется и бесконечными совершенствами. Голубинский исходит из того, что существует целая шкала совершенств: разумные существа выше неразумных, нравственно совершенные выше разумных и т.д. Бесконечное Существо должно быть *Ensrealissimum*, должно заключать в себе все эти совершенства. «Итак идея о бесконечном по совершенствам есть представление такого Существа, кото-

---

² Голубинский пишет *Бесконечное* всегда с заглавной буквы, мы будем использовать написание и с заглавной, и со строчной [2. С. 67].

рое совмещает в себе все возможные совершенства действительно, без всякого ограничения, в бесконечной степени» [2. С. 70].

В силу того что идея бесконечного не дана нам ясно и отчетливо, а в то же время она есть само основание нашего познания, как стремления ко все более ясному пониманию, нашего восприятия, как стремления ко все большей полноте нашего волевого самоопределения, как стремления ко все большей разумности нашей свободы, то доказывать ее существование непосредственно невозможно. Доказывать можно, только опираясь на что-то уже данное, предшествующее, а в идее бесконечного мы встречаемся с самим первоначальным, так что все остальное выступает только как ограничение внутри этого бесконечного. Поэтому, подчеркивает Голубинский, не имея возможности *доказать* существование этой идеи, мы можем *показать* ее присутствие в нашем уме исходя из *следствий* этой фундаментальной идеи нашего сознания. И в этом смысле вышеобъявленный закон, отправляясь от всего конечного и ограниченного искать его совершенства, первоначала, истока и конца, становится главным эвристическим принципом, возводящим нас от следствий к причине. Здесь философ видит три пути, и первый из них *путь причинности* *viacausilitatis*. Все конечное по своему бытию зависит от чего-то другого и является в этом смысле случайным, не необходимым. От данной вещи мы переходим к ее причине, от последней – к ее причине и так далее, стремясь постигнуть первопричину, от которой все зависит и происходит. Даже если бы мы считали, что вещь является *субстанцией* и ни от чего не зависит, все равно множество этих субстанций ставило бы вопрос о причине их единства. Разум наш, пока не найдет этого необходимого и единого основания, не может остановиться. Этого движения разума ко всеохватывающей, единой и необходимой причине не было бы, если бы априори он не обладал идеей бесконечного единства.

Кроме пути причинности философ – протоиерей выделяет еще два пути восхождения к бесконечному: *путь отрицания* *vianegationis* и *путь совершенства* *viaeminentiae*. На пути отрицания мы, начиная с чего-то конечного, опускаем постепенно все присущие ему несовершенства, восходя ко все большей полноте достоинств, а на пути совершенства мы последовательно увеличиваем усматриваемые в конечных вещах совершенства до бесконечной степени. «Все сии три пути, вместе взятые, показывают, что в нас есть стремление к Бесконечному, особенно первый путь *viacausilitatis*, показывает, что есть в нас стремление искать для всего конечного и условного первопричины в Бесконечном. Но сего стремления не могло бы быть в нас, если бы в нас не было идеи о Бесконечном как перво-причине всякого бытия» [2. С. 73].

Как конкретно действует в нас это стремление к бесконечному? Голубинский обсуждает это, показывая, что работа трех главных сил человеческой души, познавательной, силы воли, силы чувства невозможна без ориентации на идею бесконечного. Познавательная сила проявляет себя в действиях чувства, рассудка, разума. Познавательная сила движима стрем-

лением к истине. Но истина не может быть найдена в чувстве, ибо чувство дает нам мир в спутанном, хаотическом состоянии, в котором рассудок должен еще навести порядок. Если бы наше познание было ограничено только чувствами, мы бы не отличались существенно от животных, для которых определенность, истина вещи неотделима от ее чувственной определенности, запаха, вида, звучания и т.д.

Рассудок, вносящий своими категориями порядок в наше чувственное познание, также не дает нам истины. Во-первых, он как отдельная способность и сам партикулярен, дополнителен к чувственности. А во-вторых, категории представляют собой некоторую множественность, которая необъяснима на уровне самого рассудка и требует для своего осознания разума (ума). Именно на уровне последнего мы имеем действие закона, стремящегося возвести все обусловленное к безусловному, найти исток и цель всего существующего.

В действиях воли мы также находим предустановленную идею о бесконечном. «Какая цель воли? верховное благо. Рассматривая стремления нашей воли к этому благу, мы видим, что она ничем конечным, условным не ограничивается. Дух наш ищет полного не возмущаемого благополучия и удовлетворения, но и самое благополучие еще не есть конец его искания; ибо оно не есть еще нравственное действие, но он его получает (откуда и благополучие), им наслаждается, удовлетворяет своим склонностям... Главная и существенная цель верховного блага есть высочайшее совершенство нравственности – полная святость и отсюда происходящее высочайшее блаженство» [2. С. 76–77]. В нравственной сфере человек побуждает себя действовать не из своей склонности, а вопреки ей, из нравственного закона. Борьба со своими страстями открывает человеку и его нравственную немощь, и одновременно – бесконечную высоту нравственного идеала. Именно последнее заставляет человека смиряться и прилагать усилия к дальнейшей нравственной работе. Это опять показывает нам априорное присутствие в нашей душе идеи бесконечного.

В сфере чувства Голубинский обращает наше внимание на чувства *бескорыстные*. Здесь тоже мы видим определенную шкалу возрастания. Если чувство уважения допускает и даже требует своей меры, то высшие проявления подобных чувств, такие как любовь, благоговение, соотносятся уже с Бесконечным. Вся значимость подобных чувств, их особенность, обусловлены именно интуицией бесконечного.

«Итак, – заключает Голубинский, – когда в общих путях духовной деятельности человека видны такие стремления, которые никак не могут быть произведены из привязанности к конечному, то следует, что есть в нас нечто высшее – идея о Бесконечном, к раскрытию и развитию которой человек непрестанно стремится» [2. С. 78]. Хотя в действиях различных человеческих способностей нам представляются каждый раз идеалы соответственного порядка – безусловная истина, высочайшая благодать, бесконечная красота (блаженство), тем не менее, подчеркивает философ, мы каждый раз имеем

дело с одной и той же Бесконечностью, раскрывающейся нам с разных сторон. Голубинский уподобляет это представлению о Боге как центре некоторого круга и его различных свойствах как точках окружности; различие свойств не отменяет того, что это свойства Единого Бога, как различие точек окружности не отменяет того, что все они принадлежат окружности с единым центром. Бесконечности, познаваемые в различных областях человеческой деятельности, все говорят о единой Божественной бесконечности и ее проявлениях. Идея бесконечности принадлежит человеку существенно, а не случайно, то есть ей причастно любое человеческое сознание. Хотя, по видимости, это и не так, однако жизненный опыт все-таки свидетельствует в пользу этого заключения, считает Голубинский. «Опыт свидетельствует, что человек от самого грубого скотоподобного состояния может быть доведен до сознания в себе идеи Существа Бесконечного, с неразумными животными нельзя сего сделать» [2. С. 79].

Далее Голубинский ставит вопрос: откуда берется в человеке идея о бесконечном? Приобретена ли она им во времени или первоначально и существенно дана ему вместе с его природой? Предположение о приобретении идеи бесконечности во времени не выдерживает критики. Обсуждаются различные варианты возможного приобретения этой идеи: через чувства, внешние или внутренние, через рассудок, как некое общее понятие, и даже возможность того, что идея бесконечного дарована человеку во времени за какие-то достоинства неким Бесконечным Существом. Идея бесконечного не может быть приобретена через внешние чувства, они все конечны. И никакое объединение этих восприятий не дает нам бесконечности. Внутренний опыт души, внутреннее чувство также не может нам дать идею бесконечного. Душа наша не имеет свойств бесконечного существа. Мы видим себя как существа конечные, ограниченные и случайные. Душе принадлежит только стремление к бесконечности, но она всегда остается в конечном. Все понятия рассудка также конечны. Несомненно, рассудок может рассматривать сложение представлений аналогично тому, как в математике мы рассматриваем сложение отрезков. Если к существующему отрезку мы будем вновь и вновь прилагать другой отрезок, то получаемая величина будет неограниченно расти и сможет превзойти любую наперед заданную. Но после каждого шага мы будем получать только конечную величину, а не бесконечную. В этом и состоит отличие *потенциальной бесконечности* от *актуальной* – различие, установленное еще античными мыслителями.

Возможность того, что идея о бесконечном была дарована человеку за какие-то нравственные совершенства, сталкивается с серьезными возражениями, в частности в свете одного представления о правосудии Божиим, подчеркивает Голубинский. С одной стороны, чтобы у человека были какие-то особые нравственные заслуги, должна уже существовать религия, включающая в себя представление о Святыне, то есть бесконечном нравственном совершенстве. С другой стороны, если Бог даровал не всем, а

только некоторым идею бесконечности, то как будет выглядеть его правосудие по отношению к тем, кому эта идея не была дана? За что их осуждать, если они, так сказать, не были информированы о всем объеме нравственных требований? Именно потому, что человеку изначально прирождена идея бесконечного, ему вместе с этим дано и то *мерило*, которым он будет судиться. «Итак, – заключает Голубинский, – поелику все вышеозначенные случаи не могут иметь места, то следует, что идея о Бесконечном не во времени приобретается, но первоначально прирождена человеку. Подлинно, ежели бы она дана была человеку во времени, то человек с некоторого только времени стал бы тем, чем он прежде не был, то есть начал бы иметь другую природу. Но человек с начала своего бытия все есть один и тот же человек, всегда одинаковой природы» [2. С. 83].

Следующий вопрос, существует ли нечто, что является отражением идеи бесконечности, или, может быть, она есть плод человеческой фантазии? Здесь Голубинский идет путем, проложенным Декартом [3. С. 250–296], который также от идеи совершенного Существа умозаключал к его реальному существованию. Идея совершенного Существа дана нам постольку, поскольку мы осознаем себя несовершенными, стремимся к совершенству. Причем стремление это есть стремление к бесконечному совершенству. Это бесконечно совершенное Существо не дано нам непосредственно ни во внешнем, ни во внутреннем опыте, мы лишь имеем идею о нем. Человек сам есть существо ограниченное, и ни от себя, ни от какого другого конечного существа он получить эту идею не может. «Значит, она сообщена человеку Существом бесконечным – Богом и составляет начаток Божественного откровения» [3. С. 83]. Бесконечное Существо, следовательно, существует.

Где же следует искать это бесконечное Существо? Находится ли оно в мире видимом или невидимом? В мире видимом все существующее конечно. Все феномены мира связаны пространством и временем и, следовательно, определены и конечны. «Другие философы, – пишет наш протоиерей – философ, – думали, что если мир не может быть назван бесконечным по частям, то должно по крайней мере приписать ему, взятому в целости, неизмеримость и вечность. Но нельзя допустить сего мнения потому, что целость вселенной составлена из частей; но если части конечны, то и целое должно быть конечное. Из множества нулей все будет нуль. Если каждое звено в мире ограничено; то и целое будет ограничено; из существ же ограниченных не сделаем неограниченного» [3. С. 85]. Здесь необходимо сделать замечание. Нельзя согласиться с тем, «что если части конечны, то и целое должно быть конечным». Мы можем взять бесконечную прямую, разделенную на отрезки длиной, скажем, в метр: налицо актуальная бесконечность, сложенная из конечных частей. Как возможен этот парадокс? Именно это со времен античности и было существенным вопросом, связанным с проблемой бесконечности, вопросом, который порождал и другой, еще более острый: а нельзя ли понимать континуум, как сложенный из точек? или как протяженность, сложенную из «нулей

протяженности»? Но парадокс с бесконечной прямой объясняется. Она сложена из конечных частей, но этих частей *бесконечное множество*. Если взять любую конечную сумму отрезков, каждый длиной в метр, то всегда получится только конечная величина. То есть, действительно, из конечного получается только конечное. В бесконечной же прямой, сложенной из конечных отрезков, бесконечность уже предполагается. А именно в *бесконечном количестве* этих отрезков.

Нельзя найти бесконечного и в мире духовном, пишет Голубинский, то есть в нашей душе и в мире сотворенных духов. Наша душа во всех своих отправлениях погружена во время, все ее действия имеют начало и конец, само ее бытие имеет начало. Даже ее стремления к Бесконечному, к совершенству, также прерывно во времени и имеет конечный характер. Все добродетели, все чувства, все познания, присущие душе, всегда имеют конечный характер. Душа не является бесконечным Существом. «Что сказано о душе, то же можно сказать и об Ангелах; и они ограничены, как по бытию, не имея начала его от себя самих, так и по совершенствам, данным им, следовательно, и они не бесконечны. Один Бог, который превыше мира видимого и невидимого, есть Существо Бесконечное» [3. С. 86].

В своем тексте Голубинский касается также и вопроса об отношении бесконечного к конечному. Причем все рассуждение имеет в виду именно онтологию. Протоиерей – философ старательно опровергает точку зрения, идущую от элеатов, развернутую позже Спинозой и вообще в пантеизме. Имеется виду представление о том, что в силу несоизмеримости бесконечного и конечного последнее вообще не существует, бесконечное его как бы поглощает. Мир становления, мир феноменов, по Ксенофону, представляет собой только видимость. В мире существует только единое бытие, единая бесконечная субстанция, проявлениями которой является вся феноменальная сфера. Подобных представлений держался и Спиноза. Бог для него есть само бытие и источник бытия. Он подобен солнцу, как источнику света, а все вещи мира суть только отражения этого света.

Голубинский считает это умозрение несправедливым по следующим причинам: 1) рассуждая так, мы унижаем бесконечное Существо, и 2) игнорируются очевидные свидетельства сознания. Первое следует из того, что Бог, Совершенное Существо, в этом случае создает только призраки бытия, которые не имеют никакого подобия со своим источником. «...Такое представление о Божестве недостойно Его, Оно как всесовершенное и творит все лучшее, особенно когда оно творит все только по собственной благой своей воле, чтобы и в конечных существах отражались совершенства Его в той мере, в какой возможно вместить существам ограниченным» [3. С. 87–88]. Второе же основывается на опыте нашего сознания, который говорит, что мы имеем в себе начало свободного действия, не зависящего от внешней или внутренней связи причин. Хотя у нас и есть идея бесконечного существа, но мы осознаем себя конечными, отличными от этой совершенной субстанции. Наше бытие, в

частности, не необходимо, мы существуем не от себя, а от сотворившего нас Бога. Тем не менее сотворенные конечные существа имеют свою меру онтологической состоятельности и Голубинский настойчиво отстаивает ее против пантеизма и идеализма.

Любопытен следующий абзац рассматриваемого сочинения: «Хотя вне Существа Бесконечного имеют бытие существа конечные, но они ограничены как по бытию, так и по совершенствам. Если бы конечные существа не имели ограниченности как по бытию (*essentia*), так и по совершенствам (*existentia*), то нельзя было бы представлять их отдельными от существа Бесконечного. Следовательно, они сами были бы бесконечны, что невозможно» [3. С. 88]. Здесь угадывается присутствие следующей предпосылки: многих бесконечностей существовать не может, бесконечность только одна. Это представление – одно из самых распространенных на всем двухтысячелетнем протяжении христианской культуры. От него начали отказываться только в конце XIX в., когда Кантор в рамках своей теории множеств построил целую шкалу бесконечностей. Хотя, как известно, о градациях в бесконечном явно и артикулированно говорил еще (псевдо) Дионисий Ареопагит (см., например: [4]).

Заключая, отметим, еще раз, что идея бесконечности у Голубинского есть одно из свидетельств естественного откровения Божества, данного всем людям. Эта идея никак не может быть сведена ни к опыту внешнего или внутреннего чувства, ни к опыту рассудка. В человеческом разуме (уме) эта идея есть свидетельство о высшем горнем бытии и всегда выступает для человека как напоминание о его Божественной родине.

Обсуждение бесконечного у Свт. Игнатия Брянчанинова

Епископ Кавказский и Черноморский Игнатий Брянчанинов (1807–1867) оставил после себя большое богословское наследие. Касался он в нем и апологетических тем, связанных с наукой, в частности с математикой, которую он выделял особенно. Свт. Игнатий Брянчанинов рассуждает о бесконечности в своей работе «Слово о смерти», в одном из примечаний к этому тексту. Святитель очень высоко ценит математику. В особенности важны математические представления о бесконечном, они представляют собой своеобразную модель отношений Бога и его творения. «К этой теории [математическим представлениям о бесконечности. – В.К.] мы обращаемся часто, чтоб по возможности правильно и точно объяснить отношения тварей к Творцу, в собственном смысле непостижимые и необъяснимые. Не способна к такому объяснению ни одна наука, кроме математики. Она, одна она, доказывая неприступность бесконечного к постижению его, ставит в правильные отношения к нему все числа, то есть все виды тварей. Вселенная есть число, и все составные части ее суть числа. Непосвященный в таинства математики никак не совместит в себе понятия, что все числа, столько различные между собою, вместе совершенно равны одно с другим в отношении к бесконечно-

му» [5]. Все числа находятся в одинаковом отношении с бесконечностью, они не ближе и не дальше от бесконечности, так как бесконечность ни увеличивается от прибавлении конечного, ни уменьшается от вычитания конечного. По аналогии из этого делаются онтологические выводы. «Если ж число не имеет существенного значения, то вполне естественно миру быть сотворенным из ничего действием бесконечного, которое одно имеет существенное значение. Естественно действию бесконечного быть превыше постижения человеческого. Таковы неопровержимые истины, добытые уму человеческому математиком: ее нуль, изображающий идею о несуществующем, обращается в число, когда действует на него бесконечное» [5. С. 119, продолжение прим. 2]. Естественные науки также помогают, согласно святителю, приблизиться к христианской картине мира. В духе позитивизма своего времени святитель пишет: «То, что вещество, в среде которого мы вращаемся, которое видим и осязаем разнообразно и прикосновениями, и слухом, и вкусом, и обонянием, – это вещество не только не понято, не постигнуто нами, – мало этого! – оно непостижимо для нас. Придумана теория атомов, чтоб была возможность остановиться и основать дальнейшие суждения на чем-нибудь правдоподобном. Теория атомов остается произвольным предположением (ипотезою). В точном смысле нет существ в природе: в ней одни явления» [5. С. 119, продолжение прим. 2]. Число, в терминах которого постигается сотворенный мир, принадлежит также к сфере явлений. «Одно бесконечное постоянно пребывает неизменным, оно не изменяется ни от присовокуплений к нему, ни от вычитаний из него. Одно бесконечное совмещает в себе всю жизнь; одно оно есть в точном смысле существо. Если так, то сотворение мира Богом есть математическая необходимость и истина. Сколько верна эта истина, столько верна и та истина, что мироздание, как дело ума неограниченного, не может быть постигнуто, обсуждено и поверено ограниченным умом человеческим» [5. С. 119, продолжение прим. 2]. Здесь сходятся между собой и наука и Писание, настаивает святитель Игнатий: «С неба гремит нам апостол Иоанн Богослов: В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово. Математика отвечает с земли: “истина, всесвятая Истина! иначе быть не может. Таково свойство бесконечного: оно, одно оно, живет в себе и собою. Оно – саможизнь. Действия его на числа, как бы ни были громадны, не имеют и не могут иметь никакого влияния на образ существования бесконечного, отделенного от всех тварей бесконечным различием, существующего среди тварей вполне независимо от тварей и несмешно с ними. Нет никакого сходства между существованием и существованием”» [5. С. 119–120, продолжение прим. 2]. И далее в таком же духе: «Бога никтоже виде нигдеже, продолжает провозглашать человечеству небесный вестник, и опять в сретение его исповедует математика: “Истина, всесвятая Истина! по бесконечному различию, которым отличается бесконечное от всякого числа, нет возможности никакому ограниченному существу, как бы оно ни было возвышено, видеть Бога ни чувственным зрением, ни постижением ума!”» [5. С. 119–120, продолжение прим. 2].

Святитель Игнатий в работе «Слово о смерти» и в объемном приложении к ней посвятил немало страниц полемике со сторонниками мнения о полной бесплотности (духовности) ангелов. Он показывал, что это представление имеет свой корень в Декартовском дуализме, и отстаивал более древнее церковное мнение о материальности ангелов, – хотя и особой «тонкой» материальности, – о причастности их пространству и времени. И в этом вопросе модель «число – бесконечность» также служила подспорьем. Ангелам в этой модели опять соответствовало число, никак несоизмеримое с бесконечностью. «Учение Декарта о совершенной невещественности духов, о их независимости от времени и пространства, будучи поверено наукою, является равновесным отрицанию существования духов. Выставляя их равными Богу по существу, оно делает невозможным их существование. Бесконечное существо может быть только одно. Если допустить даже два таких существа, а не множество, то и эти два существа *должны быть уже изображены числом*, как имеющие ограничение одно другим, и потерять свойство *бесконечного*. Неограниченное же по свойствам непременно должно быть неограниченным и по существу. Таков непреложный вывод положительной науки – математики, против которого нет возражения. Две величины не зависят от пространства: бесконечное (∞) и точка ($\cdot$). Для независимости от пространства надо быть тем или другим» [6]. Из этой цитаты мы видим, что святитель Игнатий держится традиционного представления о бесконечном, как о *том, что больше всего*. В частности, не может быть двух бесконечных существей, ибо тогда одна ограничивала бы другую.

Бесконечность есть для святителя *идея*. «Бесконечное есть идея, явившаяся в уме человеческом от постепенного увеличения чисел, идея о величине, превышающей числа. По этой причине бесконечное есть величина неопределенная, непостижимая для человека, как сама по себе, так и по свойствам. Но самый закон чисел доставил многие верные, достопримечательные понятия об этой величине. Мы не остались при одной бесплодной идее! Мы поняли, что *бесконечное*, чтоб пребыть бесконечным, не должно подвергаться никакому изменению ни при приложении к нему каких бы то ни было чисел, ни при вычитании из него каких бы то ни было чисел. Разность между бесконечным и всеми числами – бесконечна. По этой причине все числа пред бесконечным равны между собою. Будучи сличаемы вне отношения к бесконечному, они имеют определенное различие между собою... По закону математики, – которая, не обретая в слове человеческом достаточных средств к изображению своих предметов и своих понятий выражениями, соответствующими требованию процесса науки, изображает их знаками, – Бог со всею точностью изображается бесконечным. На основании законов математики Бог должен быть признан существом превысшим всякого определения, не имеющим ничего общего с существами, которые могут и должны быть изображены числами, каковы духи. Даже по этому великолепному закону, если Бог – существо, то все без исключения твари, одаренные жизнью, уже не существа, а нечто иное. Если же они существа, то Бог есть

нечто Иное, бесконечно превысшее того, что тут называется существом. Таково различие между Богом и разумною тварию! Таковы понятия, доставляемые наукою в настоящем ее развитии. Математика, действуя знаками, изображая знаками и предметы и свойства их, достигает самым верным путем познаний, не достижимых иным путем, часто не выразимых словом» [6. С. 198–199].

Строго оформленное в математике различие между конечным и бесконечным помогало не фантазировать в богословии. «Необходимо усвоить себе понятия о бесконечном различии бесконечного, и по естеству и по свойствам, от чисел, и при суждениях о Боге повсюду иметь в виду это различие, определять его, чтоб не увлечься к суждениям, превышающим нашу способность понимания, и потому к суждениям неправильным по необходимости. Без этого придется бред свой выставлять за истину к погибели своей и к погибели человечества. Мечтатели сделались безбожниками, а изучившие глубоко математику всегда признавали не только Бога, но и христианство, хотя и не знали христианства как должно. Таковы были Невтон [то есть Ньютон. – *В.К.*] и другие»³.

Святитель Игнатий призывает и православных, чтобы не блуждать в произвольных философских и богословских мечтаниях, изучить предварительно математику и естественные науки. «Желательно, чтобы кто-либо из православных христиан, изучив положительные науки, изучил потом основательно подвижничество православной Церкви и даровал человечеству истинную философию, основанную на точных знаниях, а не на произвольных гипотезах. Мудрец греческий Платон воспрещал упражнению в философии без предварительного изучения математики. Верный взгляд на дело! без предварительного изучения математики с зиждущимися на ней другими науками и без деятельных и благодатных познаний в христианстве невозможно в наше время изложение правильной философской системы. Многие, признающие себя сведущими в философии, но не знакомые с математикою и естественными науками, встречая в сочинениях материалистов произвольные мечты и гипотезы, никак не могут отличить их от знаний, составляющих собственность науки, никак не могут дать удовлетворительного отзыва и опровержения на самый нелепый бред какого-либо мечтателя, очень часто сами увлекаются этим бредом в заблуждение, признав его доказанною истинною» [5. С. 118, прим. 2]. Совет в высшей степени полезный. Конечно, для философов и богословов необходимо общее представление о современной науке. Именно поэтому в наше время философские и богословские факультеты немислимы без специальных курсов, посвященных логике, математике, естествознанию. Однако примеры Николая Кузанского, а в особенности Г. Кантора, настойчиво утверждавшего, что «Только мною впервые предложено христианской философии истинное учение о бесконечном в его началах» [7. S. 513], избыточные примеры из протестантского богословия, стре-

³ Здесь имеется в виду арианство Ньютона [5. С. 118, прим. 2].

мящегося на базе каждой новой научной теории создать некое новое христианское учение, настаораживают. Действительно, без «основательного изучения подвижничества Православной Церкви» не обойтись.

Из приведенных текстов мы видим, как русское христианское богословие всегда остро чувствовало связь научно-философских построений о бесконечности с фундаментальными темами собственной науки, следило за развитием этих построений в математике и логике и умело применять это знание для апологетических целей. Концепция бесконечности всегда была и останется для человека научным и философским аналогом Божества, о существовании которого мы знаем, но никогда не можем постигнуть до конца.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаврюшин Н.К.* «“Столп Церкви”: протоиерей Ф.А. Голубинский и его школа». URL: <http://www.bogoslov.ru/text/299750.html> (дата обращения: 2.09.2016).
2. Лекции философии. Профессора Московской Духовной Академии Ф.А. Голубинского. Вып. второй. – М., 1884.
3. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. Часть четвертая. С. 269–270 // *Декарт Р.* Соч: в 2 т. – Т. 1. – М., 1989. – С. 250–296.
4. *Дионисий Ареопагит.* О Божественных именах. Гл. 8. № 2 // *Дионисий Ареопагит.* Сочинения. *Максим Исповедник.* Толкования. – СПб., 2002.
5. Слово о смерти // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. 3. – М., 2002. – С. 118, прим. 2.
6. Прибавление к «Слову о смерти» // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. 3. – М., 2002. – С. 198.
7. Из письма патеру Т. Эшеру. См.: *Meschkowski H.* Ausder Briefbuehern Georg Cantors. – S. 513.

THE INFINITE IN THE WRITINGS OF 19TH-CENTURY RUSSIAN THEOLOGIAN

V.N. Katasonov

In article representations about infinity of two XIX-th century influential Russian theologians are analyzed: professor of the Moscow spiritual academy F.A. Golubinsky (1797–1854) and the Caucasian and Black Seabishop Ignaty Bryanchaninov (1807–1867). Conclusions about mutual influence of theological traditions and a secular science are done.

Key words: Infinity, Christian theology, mathematics, natural sciences, science and religion.